

Переходько И.В.

Оренбургский государственный университет

E-mail: perehodko2008@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ И ФРАНЦУЗОВ

В статье раскрывается взаимосвязь языка и культуры, а также рассматриваются лингвистические особенности реализации речевых тенденций русских и французов.

Ключевые слова: сознание, язык, культура, языковое сознание, коммуникативное поведение, речевые тенденции.

Сегодня в силу нарастающей глобализации, расширения международных контактов особое значение приобретают проблемы межкультурной коммуникации и соизучения культур. Вместе с тем, как отмечает Г.В. Елизарова, сопоставительное изучение культур возможно только с учетом того факта, что каждая культура находит уникальное отражение в языке – ее носителе. Действительно, язык есть символизация внутреннего духовного мира людей в особой форме – индивидуально-общественной. Благодаря этой форме осуществляется коммуникация между субъектами. Так, Т. Лукманн подчеркивает: «Язык возникает из общественных отношений, то есть в ситуации непосредственного общения, когда один человек воспринимает другого в единстве внешнего и внутреннего (внутренней жизни), но человек как личность «рождается» только в межсубъектном контексте коммуникации (только в общении), то есть в типично языковом контексте» [1, с.124].

Языковые средства являются отражением культурных пресуппозиций, в которых проявляется национально-культурная специфика мировосприятия и языкового сознания представителей различных культур. При этом, языковые средства, выражающие различия в культурно-обусловленном восприятии мира открывают новые возможности исследования семантики языковых единиц для выявления связей языка и культуры. В.С. Соловьев указывал, что слово есть элемент всякой мысли, «всякое мышление происходит через слова» [2, с. 813]. Л.С. Выготский утверждал что, слова естественного языка имеют общепринятые значения, тогда как в сознании за словами скрываются индивидуальные смыслы [3, с. 37]. Слово – сосуд, который дан нам готовым, но наполняем мы его содержанием са-

мостоятельно. Можно полагать, что усвоение не только слов языка, но и других языковых единиц: фраз, грамматических форм и структур, синтаксических моделей – также сопровождается формированием их «индивидуального психологического наполнения» в сознании носителя языка, своего рода «внутреннего видения».

В связи с этим сегодня актуальные направления лингвистических исследований связаны с изучением вопросов этносемантики, этнолингвистики, кросс-культурной прагматики, с исследованиями дискурса в целях межкультурного сопоставления.

В данной статье на материале русского и французского языков, который был собран и обобщен в период стажировки во Франции (г. Виши) по программе Посольства Франции «*Profs en France*», проведен анализ лексико-грамматических средств, имеющих существенные культурно обусловленные различия.

Так, например, когда мы говорим, например, о дружбе, свободе, гневе, мы невольно приписываем этим понятиям культурно обусловленные смыслы, присущие соответствующим словам русского языка. Тем самым придаем им несуществующую универсальность и совершаем серьезную культурную ошибку [4]. В качестве примера приведем русский глагол «любить», который не включает в себя тех смысловых компонентов, которые присущи французскому глаголу «*aimer*», таких как «нравиться», в значении «Мне понравился этот фильм».

Сравнивая слова «*maison*» и «дом», нужно отметить тот факт, что у французов это слово связывается в первую очередь «с местом, где живут», у русских – на первом плане оказывается ассоциация с понятием «семья». Поэтому русские говорят «Я иду домой», а французы ска-

жут: «Je vais chez moi». Особого разъяснения требует и слово «vacances», которое обычно переводится на русский язык как «каникулы», при этом второе значение этого слова «отпуск» часто не принимается во внимание, поскольку для русских понятия «каникулы» и «отпуск» связаны с различными сферами деятельности: учебой и работой. Находясь в плену национального языкового сознания, мы ищем другое слово для определения «отпуска», находим «congé» и вызываем недоумение у французов, для которых употребление этого слова ограничено: congé de maternité – отпуск по беременности, congé de formation – учебный отпуск, congé de maladie – отпуск по болезни.

В современных условиях успешность межкультурного общения в значительной мере зависит от степени владения культурными нормами коммуникативного поведения родной культуры и овладения нормами коммуникативного поведения иноязычной культуры.

Каждая нация обладает определенным набором психологических и поведенческих стереотипов, в той или иной мере присущих всем членам данного исторически сложившегося социума. Типология поведения обусловлена множеством факторов, из которых наиболее существенными представляются культурогенные, то есть связанные с национальными особенностями зарождения, становления и развития культуры конкретного этноса, с определенным укладом жизни.

Системное описание особенностей общения того или иного народа представляет собой описание коммуникативного поведения этого народа. Термин «коммуникативное поведение» был введен И. А. Стернинным и определяется как совокупность норм вербального и невербального поведения, присущих лингвокультурной общности.

О нормах коммуникативного поведения можно говорить в четырех аспектах: общекультурные нормы, групповые нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы. Общекультурные нормы коммуникативного поведения национально специфичны и характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения. Они связаны с ситуациями самого общего плана, возникающими между людьми вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, сферы деятельности и т. д. Это такие стандартные ситуации, как привлечение

внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, поздравление, письменное обращение, сочувствие, утешение, соболезнование и т. д.

Ситуативные нормы обнаруживаются в случаях, когда общение определяется конкретной экстралингвистической ситуацией. Такие ограничения могут быть различны по характеру. Так, ограничения по статусу общающихся позволяют говорить о двух разновидностях коммуникативного поведения – вертикальном (вышестоящий – нижестоящий) и горизонтальном (равный – равный). Граница между различными типами подвижна, она может нарушаться.

Групповые нормы отражают особенности общения, закрепленные культурой для определенных профессиональных, гендерных, социальных и возрастных групп. Есть особенности коммуникативного поведения мужчин, женщин, юристов, врачей, детей, родителей, «гуманитариев», «технарей» и т. д.

Индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт индивида и представляют собой личностное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности [5].

В связи с этим, для нас представляет большой интерес изучение лингвистических основ национально-культурной специфики коммуникативного поведения русских и французов, которое отражает систему ценностей культуры. К пониманию национальных особенностей ценностных отношений в культуре можно приблизиться, рассмотрев существующие в двух культурах универсальные концепты.

В русском и французском сообществе существуют универсальные концепты, например идея Бога. В целом можно говорить как о сходстве, так и различии в представлениях о Боге у русских и французов. Сходство проявляется в общих идеях добра, любви, милосердия, спасения, судьбы, связанных с рассматриваемым концептом. Различие сказывается в связи с приоритетными для русского национального сознания идеями о Боге как о Каре, Справедливости, Возмездии, в противовес французским представлениям о Спасении, Праве и Свободе. По мнению Е.А.Алексеевой с данными приоритетами связаны императивы поведения и некоторые стереотипы языкового мышления представителей двух этносов.

Концепт «судьба» занимает важное место в менталитете русских и связан со значениями фатальности, непредсказуемости и смиренности. Наряду со значениями фатальности и непредсказуемости, концепт «судьба» представлен во французском языке значением «управляемость», что говорит о сниженном эмоциональном заряде рассматриваемого понятия во французской концептуальной парадигме.

Концепт «душа» имеет совершенно особый статус в менталитете русского народа, имея яркую эмоциональную окраску и отсутствие сдерживающих границ в функционировании данного концепта в семантической системе русского языка. В исследованиях М. Ю. Михеева отмечается, что в русском речевом поведении это слово широко представлено в метафоро-метонимических воплощениях, что говорит о стремлении носителей языка закрепить за этой ненаблюдаемой сущностью вполне конкретные, ощущаемые или, по крайней мере, мыслимые свойства.

Концепт «душа» в менталитете французов вербализуется в двух словах: *âme*, *sœur*. На первом месте у французов стоит религиозное значение слова *âme*, а эквивалентом ядерного значения русского понятия «душа» является слово *sœur* (сердце).

Для русского сознания понятие «тоска» связано с неопределенным чувством вины, имеет яркую национально-культурную специфику и связан с возможностью реализовать (не реализовать) себя в соответствии с высшими моральными ценностями. Французский концепт с точки зрения сферы употребления в большей степени связан с определенными эстетическими или медицинскими установками.

Итак, в концептосфере французского народа также существуют концепты **судьба**, **душа**, **тоска**, но они не несут в себе такого же эмоционального заряда, как для русских. Они не являются ключевыми ценностными понятиями для французской культуры. В русской культурной формации сопоставляемые концепты выполняют формирующую, часто воспитательную функцию («душа обязана трудиться»).

Сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о том, что сферы использования данных понятий в двух культурах не совпадают. В русском языке данные понятия связаны с аксиологическим аспектом употребления и сфера использования касается в основном абсолютных

ценностных характеристик и моральных суждений, тогда как во французском языке языковые воплощения данных понятий имеют точечную парадигму употребления с нейтральным фоном.

Рассмотренные сходства и различия в определении данных концептов позволяют говорить о наличии тенденций *оценочности* в русском и относительной *нейтральности* во французском коммуникативном поведении.

Е.Ю. Викторова среди характерных особенностей коммуникативного поведения носителей русского языка выделяют общительность, коллективизм, легкость в выражении чувств, эмоциональную живость, склонность к конфликтам, любовь к оценкам и нелюбовь к этическому общению, искренность, допустимая резкость в стратегиях ведения диалога и т. д. Во французский разговорный стереотип, как правило, включают, эмоциональную сдержанность, достаточно высокий уровень самоконтроля, стремление к прозрачности, нормативности изложения, корректная любознательность, некатегоричность, антиконфликтность, терпимость, высокий уровень этикетного общения, закрытость темы личной жизни и пр.

Проблемы выявления особенностей речевого поведения двух наций не раз привлекали и продолжают привлекать внимание ученых (Ш. Балли, В.Г. Гак и др.). А.П. Седых сопоставляя речевые тенденции русских и французов, отмечает преувеличение в выражении мысли с использованием прямых языковых средств, большую конкретность и предметность в выборе лексики, большую контекстуальную автономность высказываний, допустимую резкость в стратегиях ведения диалога, контактную проксемику, соборность и оценочность у русских. В то время как для французов характерно смягчение мысли через использование косвенных средств выражения, относительно абстрактный и образный характер лексики, большая зависимость высказывания от ситуативного контекста, корректность в выборе диалогических реплик, дистантная проксемика, партикулярность, нейтральность в оценке [6].

Тенденция к преувеличению мысли в русском языке проявляется в частом употреблении в речи слов, выражающих высокую интенсивность действия: «предельно», «исключительно», «вовсю» и т. д., тогда как французские высказывания аппелируют к потенциальным возможностям субъекта.

Он ответил исключительно удачно – Il a répondu on ne peut mieux.

Это дело проще простого – L'affaire est on ne peut plus simple.

Русские часто высказывают резкие оценочные суждения, не щадя собеседника, при этом, оценочные высказывания, как правило, начинаются словами: *«ты только не обижайся, но...»*.

Для французского речевого поведения тенденции к оценкам людей, предметов и явлений менее характерны. Французы избегают оценочных реплик, что часто выражается в предваряющих фразах типа: *«Je ne porte pas de jugement de valeur la-dessus (Я не выношу оценочное суждение по данному поводу)»*.

Контактность и дистантность в коммуникативном поведении проявляется в использовании различных форм лица при обращении к собеседнику. Так, в разговорных репликах французского языка наблюдается ориентация на первое, второе лицо, в то время как в русских на третье лицо.

Je cherche la gare, s'il vous plaît. (букв. Я ищу вокзал, пожалуйста.) – Скажите пожалуйста, как добраться до вокзала.

Pardon, Monsieur, pourriez-vous m'aider s'il vous plaît? (букв. Извините, Месье, не могли бы Вы мне помочь, пожалуйста. – Помогите мне пожалуйста!

Анализ примеров показывает, что француз в большей степени дистанцируется от собеседника. Так в первом примере говорящий употребляя местоимение первого лица единственного лица, берет решение проблемы на себя, в то время как русский говорящий вовлекает собеседника в решение своей проблемы, прямо обращаясь к потенциальным возможностям собеседника.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дистантность является национально-культурной особенностью французского коммуникативного поведения, а контактная проксемика отличает русское коммуникативное поведение.

Национально-культурная специфика коммуникативного поведения также находит свое отражение в сфере речевого этикета каждой лингвокультурной общности. Речевой этикет можно определить как совокупность языковых средств общения в стереотипных ситуациях: обращение, привлечение внимания, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодар-

ность, поздравление, пожелание, просьба, приглашение и др.

Высокая этикетность является отличительной чертой французского коммуникативного поведения. Особенности лексико-грамматического выражения вежливости прослеживаются как в письменной, так и в устной речи. В оформлении начала и конца писем французам свойственна витиеватость, скрытое подчеркивание значимости субординации между пишущим и адресатом, занимающим более высокое положение.

Je me permets de m'adresser directement a vous... – (букв. Я позволяю себе обратиться непосредственно к Вам).

Русские заключительные формулировки: *С (искренним) уважением; С наилучшими пожеланиями; Искренне Ваш; Заранее (от всей души) благодарю Вас; С дружеским приветом; Ваш; С любовью; Целую.*

Французские: (Официальные) *Veillez agréer (accepter, recevoir). Je vous prie d'agréer (de bien vouloir accepter) l'assurance (les assurances, l'hommage, l'expression) de ma (très) haute (et respectueuse) considération; Croyez a toute ma considération (au témoignage de mes sentiments sincèrement (les plus) dévoués, a l'assurance de mes sentiments de considération etc.*

Эту особенность можно также отнести к косвенным средствам выражения мысли, так как устойчивые этикетные выражения, как правило, воспринимаются французами не как носители конкретной семантико-смысловой информации, а скорее как формальное и обязательное сопровождение определенной коммуникативной ситуации.

Подчеркнутая вежливость характерна для общения французов и в повседневной жизни. Слова *здравствуйте, спасибо, пожалуйста, извините, будьте любезны* звучат чаще, чем в подобных ситуациях в России.

Просьба по-русски часто формулируется при помощи глагола в повелительном наклонении, смягченного словами «пожалуйста» или «будьте добры». При этом заметим, что во французском языке употребление *Impératif* (повелительного наклонения) совершенно исключено, так как для французов вежливые русские просьбы звучат как приказы и являются проявлением высокой степени авторитарности, диктата.

Закройте окно, пожалуйста! – Il fait froid, peut-être on va fermer la fenêtre. (Холодно, мо-

жет быть закрыто окно) или *Il fait froid, voulez-vous fermer la fenêtre* (букв. Холодно, хотите ли Вы закрыть окно).

Даже в приказании ребенку присутствует формула вежливости.

André! Veux-tu bien aller te coucher? – Андре, не хочешь ли ты пойти спать?

Bud' être sage! – Ты будешь послушным!

Во французском языке во втором примере вместо используемого в русском языке повелительного наклонения употреблено *Futur simple* (будущее время).

Грамматическая форма *Conditionnel present* используется во французском языке для выражения вежливого предложения, усиливающегося отрицательными частицами или глаголом в *Imparfait* с союзом *si*.

Ne voudriez-vous pas...? – Не хотели бы Вы...

Si nous allons au cinéma? – А не пойти ли нам в кино?

Ярким примером различия модальных параметров просьбы в русском и французском речевом узусе могут считаться следующие формулировки:

Merci de bien vouloir téléphoner au directeur (букв. Спасибо за желание позвонить директору.) – Будь добр, позвони директору.

Merci de me tenir informé (букв. Спасибо за то, что будете держать меня в курсе) – Держите меня в курсе, пожалуйста.

Il y a des invités dans la chambre, évite d'y aller (букв. В комнате гости, избегай туда идти) – В комнате гости, пожалуйста, не ходи туда.

Как видим, с формально-грамматической и прагматической точек зрения французские просьбы представляют собой псевдо-приказы. Они апеллируют к субъективному желанию реципиента сообщения и отличаются некатегоричностью тона и особыми синтаксическими конструкциями, которых нет в русском языке, такие как пассивная форма просьбы, безличные и описательные обороты.

В этой связи логично будет рассмотреть стратегии ведения диалога в русском и французском коммуникативном поведении. Как отмечали многие исследователи, в частности А. Вежбицкая, И.А. Шаронов для русского и славянских народов специфична довольно большая свобода в выражении эмоций. Французский стереотип поведения предполагает достаточно жесткий контроль

над эмоциями. Для него более важно не столько выражать чувства, сколько их демонстрировать.

Сравнительное использование реплик в рамках ситуации «Возражение», когда говорящий выражает резкое неприятие предложений *C'est pas possible! Absolument non!* можно заметить, что французские высказывания, несмотря на высокую степень интенсивности, не являются грубыми. Вместе с тем к специфической стратегии ведения беседы, характерной для русского речевого поведения можно отнести все более распространяющееся употребление в речи вульгарной лексики, порой выходящей за пределы нормативных словарей.

Как было уже отмечено, для русского коммуникативного поведения характерна большая контекстуальная автономность высказываний, в то время как для французов характерна большая зависимость высказывания от ситуативного контекста. Так, в русской речи употребляются междометия, выражающие разнообразные чувства – неожиданность, удивление, возмущение, негодование, обиду, досаду и т. д.: *Да ну! Вот это да! Да нет! Ну нет! Вот так!* При этом во французском языке чаще встречаем: *Tiens!*, которое мы переводим в зависимости от контекста.

В качестве другого примера можно привести выражения, используемые при прощании. Русскому *До свидания!* во французском языке в зависимости от ситуации будут соответствовать *A tout a l'heure! A la prochaine! A plus tard!* То есть, согласно выводам, который делает А.П. Седых, в русском коммуникативном поведении значение большинства аффективных высказываний (на уровне непосредственного семантического содержания) прямо совпадает со смысловым содержанием лексического корпуса, не требуя дополнительной контекстуальной соотнесенности. В связи с этим В.Г. Гак отмечал, что на уровне восприятия (понимания) французский языковой материал труднее понимать, но легче употреблять, тогда как русский – легче понимать и труднее употреблять. Иными словами, понимание французского слова как правило ограничено сферой определенного контекста, а понимание русского – такими рамками не связано.

Практическая значимость исследования лингвистических основ национально-культурной специфики коммуникативного поведения русских и французов состоит в возможности определения совокупности знаний, включаю-

щей культурно-специфические представления о формах речевого поведения, а также знание языковых средств, посредством которых данные формы реализуются. Овладение студентами вербальными моделями поведения, принятыми

в иной лингвокультурной общности, способствуют осознанию национально-специфических особенностей восприятия мира иноязычными представителями, что в целом ведет к формированию умений межкультурного общения.

11.11.2013

Список литературы:

1. Лукманн Т. Конституирование языка в повседневной жизни / Т. Лукманн // Концептуализация и смысл. Новосибирск, 1990. – С.120-138
2. Соловьев В.С. Достоверность разума // Соч. в 2 т. М.: – 1988. Т.1. С.757-831
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт. – 1999. 350 с.
4. Шеина И.М. Лингвистические предпосылки успешности межкультурной коммуникации: монография. М.: Научная книга, 2009. 347с.
5. Стернин И. А. Язык и национальное сознание. Логос. – 2005. – №4. – С. 158
6. Седых, А. П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов) / А. П. Седых. – М.: Компания Спутник плюс, 2004. – 269 с.

Сведения об авторе:

Переходько Ирина Валерьевна, доцент кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка факультета филологии Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент

460018, г. Оренбург, пр-т Победы 13, ауд. 4110, тел. (3532) 372430, e-mail: perehodko2008@yandex.ru

UDC 81'1:316.77

Perekhodko I.V.

Orenburg state university, e-mail: perehodko2008@yandex.ru

LINGUISTIC BASES OF NATIONAL-CULTURAL PECULIARITY OF THE RUSSIANS AND THE FRENCH COMMUNICATIVE BEHAVIOUR

The article touches upon the interdependence between the language and culture. The linguistic peculiarities of Russian and French speech tendencies realization are also described.

Key words: perception, language, culture, language consciousness, communicative behaviour, speech tendencies

Bibliography:

1. Lukmann, T. Institutionalization of the language in everyday life / T. Lukmann // Conceptualization and meaning. Novosibirsk, 1990. – P. 120-138
2. Soloviev V.S. Mind credibility // 2 vol. selected works. M.: – 1988. Vol.1. – P. 757-831
3. Vygotsky L.S. Mind and speech. The 5th edition, corrected. M.: Labirint. – 1999. 350pp.
4. Sheina, I.M. Linguistic implications of successful cross-cultural communication: monography. M: Scientific book, 2009. 347pp.
5. Sternin I. A. Language and national consciousness. Logos. – 2005. – №4. – P. 158.
6. Sedih, A.P. Language personality and ethnos (national-cultural peculiarities of the Russians and the French behaviour) / A.P. Sedih. – M.: Company Sputnik plus, 2004. – 269 p.